

События происходят во время шестого тома пятой части (27 том по сквозной нумерации).

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Эта глава содержит спойлеры к части ранобэ, переведённой только Последователями Местионоры или рулейтом. Если вы читаете только в переводе novel.tl, вам не следует читать эту главу, вы словите спойлеры и ничего не поймёте.

— Эльвира, извини, я знаю, как ты устала, но мне нужно поговорить с тобой после ужина, — обратился ко мне с просьбой мой муж, как только я вошла в дом, вернувшись с собрания герцогов. Его серьёзное лицо вызывало у меня плохое предчувствие.

На собрании герцогов я находилась как служащая, ответственная за полиграфию, так что я была наслышана о деяниях Розмайн: благословении на церемонии звёздного сплетения, общении с королевской семьёй в подземном архиве библиотеки дворянской академии; а ещё знаю то, что ауба и его жену неоднократно вызывала королевская семья.

Однако свиту не допустили на переговоры с королевской семьёй, так что о предмете дискуссии оставалось только гадать. Розмайн также вызывали в комнату ауба, где обсуждение велось тоже в отсутствии свиты.

На собрании герцогов стало широко известно, что центральный храм возжелал видеть Розмайн как свою главу, эта идея активно продвигалась многими дворянами из других герцогств. А Розмайн вместо того, чтобы отказаться, провела церемонию посвящения по приказу короля.

«Что-то случилось с Розмайн?»

Завтра состоится встреча, на которой герцогская семья сообщит оставшимся в Эренфесте кандидатам в аубы и высшим дворянам о принятых на собрании герцогов решениях. Я чувствовала, что мы должны обсудить это заранее. Чем больше я об этом думала, тем мрачнее становились мои мысли.

«Собрание герцогов — исконно время больших потрясений».

Госпожа Вероника пришла к власти, пройдя церемонию звёздного сплетения и после приняв участие в собрании герцогов как первая жена. Помимо поздравлений и заявлений о поддержке, ауб Аренсбах обвинил дворян Лейзеганга в невзгодах его родственницы госпожи Габриэлы. Насколько знаю, это стало лишь толчком к началу тирании госпожи Вероники.

Также припоминаю, что собрание герцогов повлияло на решение господина Фердинанда войти в храм. Предыдущий ауб, господин Адельберт, был болен, и вместо него на собрание герцогов отправился господин Сильвестр. Примерно тогда же было решено, что господин Фердинанд войдёт в храм. Похоже никто не прислушался к его желанию отсрочить вхождение в храм хотя

бы до похорон. В результате господин Фердинанд присутствовал на похоронах господина Адельберта в качестве священника, а не члена герцогской семьи.

Единственный случай, когда я была рада потрясениям предшествующим и последовавшим за собранием герцогов — свержение госпожи Вероники. При её тирании моя семья и родители переживали тяжёлые времена.

Тогда я не присутствовала на собрании герцогов, потому не знаю, что делали господин Сильвестр и господин Карстед. Однако прямо во время собрания герцогов госпожа Вероника была схвачена и заключена в белую башню — большой переполох среди дворян не заставил себя ждать.

Пока дворянское общество не пришло в чувство, господин Карстед попросил меня принять Розмайн в семью. Вместо того чтобы крестить её как дочь третьей жены, я предложила господину Карстеду принять и обучить Розмайн, священницу-ученицу из простолюдинов, как собственную дочь, которая после церемонии крещения стала приёмной дочерью ауба.

«А в прошлом году...»

Был решён брак господина Фердинанда. Его несколько раз вызывали из Эренфеста на собрание, и обсуждение проходило между герцогской четой и королевской семьёй без свиты в полной секретности. По всей видимости, господин Фердинанд неоднократно приходил, пока мы были на собраниях и общежитии, отчего он стал предметом многих пересудов, но подробностей мы не знали. Нам обо всём сообщили, только когда мы вернулись в герцогство, на встрече герцогской семьи.

«Сейчас у меня такое же чувство, что и год назад...»

За ужином я ощущала большее напряжение, чем во время собрания герцогов. Главный слуга посоветовал нам, что если мы хотим поговорить наедине, нам следует после трапезы принять ванну, так что мы будем лишь в ночном белье.

Дело достаточно важное, чтобы обсуждать его без слуг и с инструментом, препятствующим подслушиванию. Хотя я бы предпочла быть чуть более нарядной и собранной, но я понимала настойчивость слуг, желавших сперва закончить с работой.

«Ну, это господин Карстед, он, вполне возможно, ничего не сообщил слугам и не посоветовался с ними о текущей ситуации».

У них есть свой распорядок дел. Неожиданные изменения в планах зачастую раздражают людей.

Господин Карстед сидел на диване, не притронувшись к поданному ему бокалу с вином. Он попросил сесть рядом с ним, что я и сделала. Господин Карстед протянул мне инструмент, препятствующий подслушиванию, и, не в силах собраться с мыслями и начать диалог, бродил взглядом по комнате.

Похоже на то, как он не мог произнести, что удочерит Розмайн, так что я не могла не удержаться и не подначить, отдавая себе отчет о серьёзности дела:

— Я ничего так и не узнаю, если вы продолжите молчать. Это касается Розмайн?

— Как ты узнала, что дело в Розмайн? От кого ты услышала?! — вымолвил господин Карстед в изумлении, сразу заподозрив утечку информации.

— Пожалуйста, успокойтесь. Просто немного подумав, можно понять это. Единственное, что пошло не по плану на собрании герцогов — то, что касалось Розмайн. Церемония звёздного сплетения, церемония посвящения, исцеление мест сбора — за всё из ряда вон выходящее ответственна Розмайн. К тому же ауб и его жена были несколько раз вызваны королевской семьёй.

— Понятно. Значит, информация не просочилась, — вздохнул господин Карстед с облегчением, прикоснувшись к своим усам. Наблюдая, как муж в своей привычной манере размышляет, я ждала, когда он наконец соберётся рассказать. Мы провели в безмолвии не так много времени, но мое нетерпение росло.

— Полагаю, лучше сказать прямо об исходе... Решено, что Розмайн будет удочерена королём, — от слов господина Карстеда все мысли смешались в голове. Я ожидала услышать, что король не смог воспротивиться мнению центрального храма и решил выдать её за одного из принцев, но никак не о удочерении.

— Почему? Беспрецедентно, чтобы зент удочерял, — в недоумении задала я вопрос. Дворяне могут удочерить девочку, чтобы выдать замуж ради возвышения семьи. Однако король уже выше всех по статусу в Юргеншмидте. Если ему нужно завязать отношения с каким-то герцогством, ему стоит лишь попросить брака с принцем, а не удочерения. — Другими словами, в текущих обстоятельствах брака недостаточно.

Держась за виски, я сверлила господина Карстеда взглядом, а он смотрел на меня прищурившись голубыми глазами.

— Твоя интуиция слишком хороша, — ответил он с горечью в голосе. — Об этом запрещено говорить. Розмайн — кандидат в зенты, и сейчас она ближе всего к Грутрисхайту.

— Что?

Дело было намного серьезнее, чем я просто могла представить. Я не могла и вообразить, что она станет кандидатом в зенты. Не обращая внимания на мою растерянность, господин Карстед продолжил:

— В Центре разрушился магический инструмент близ основания страны, поэтому им нужно большое количество магической силы и Грутрисхайт, как можно скорее. Во время собрания герцогов она нашла в книгах в библиотеке путь к Грутрисхайту, но пройти к нему можно, лишь зарегистрировавшись как член королевской семьи.

— Почему кандидатом в зенты стала Розмайн, а не кто-то из королевской семьи?

Если кандидатом можно стать лишь благодаря изучению книг в библиотеке, тогда члены королевской семьи и кандидат в аубы Дункельфельгера также стали бы претендентами. Розмайн не может быть единственной подобравшейся так близко.

— Я не знаю условий отбора в кандидаты в зенты. Не нашего ума дело. Но... по заверениям Корнелиуса и Оттилии, Розмайн отдала королевский приказ очистить святилища в дворянской академии. Сразу после в библиотеке произошло нечто странное. Возможно, молитвы и есть ключ к получению Грутрисхайта от богов.

Розмайн, воспитывавшаяся в храме, происходила из семьи простолюдинов, из-за чего к ней легкомысленно относился предыдущий глава храма. Вот почему, как я слышала, её отправили исполнять ритуалы с использованием магической силы сразу после церемонии крещения.

Она впервые повстречала господина Карстеда также при проведении ритуала исцеления после победы рыцарей над тромбэ. Похоже, что Розмайн не озлобилась из-за того, как с ней обращался прежний глава храма, поэтому молилась искренне, что позволило ей получить защиту от множества богов. На сегодня она известна как святая Эренфеста, Розмайн спонтанно молится, щедро одаривая благословениями, и лишь немногие знают, что причина кроется в пренебрежении и притеснении её прежним главой храма.

«Подумать только, что такое детство смогло привести к статусу кандидата в зенты, считающимся посредником между людьми и богами».

— Вы уверены в том, что удочерение происходит, чтобы зент получил Грутрисхайт? — спросила я, поскольку у меня все ещё оставалась сомнения.

— Вне всяких сомнений.

— Желает ли она, чтобы её удочерил король?

— Я слышал, что она выставила множество условий королевской семье в ответ... — господин Карстед перечислил только те из них, которые ему сообщил господин Сильвестр.

С его слов, Розмайн договорилась с королевской семьёй на своих условиях, среди которых было спасение господина Фердинанда и получение Эренфестом преференций.

— Как много из этого было в интересах самой Розмайн? — спросила я господина Карстеда. Розмайн, удочерённая аубом, чтобы спасти свою семью, принесла в Эренфест новую отрасль и магическую силу, теперь, будучи удочерённой зентом, она также должна принести в Юргеншмидт Грутрисхайт.

Каково будет её положение, если она не сможет заполучить Грутрисхайт? Как с ней будут обращаться?

— Официальный её переезд отложен на год, до тех пор об этом не будет объявлено среди дворян Эренфеста. Об удочерении сообщат на следующем собрании герцогов. Так что подготовка к переезду будет проходить в секрете. Госпожа Флоренция беременна, поэтому мне хотелось бы, чтобы ты взяла подготовку на себя. Вернее, это требование ауба.

— Конечно, для госпожи Флоренции будет сложно заниматься этим и держать в секрете, когда она сама вскоре должна родить. Я всё понимаю. Я возьму на себя всю подготовку.

Розмайн передают из рук в руки только по чужой прихоти. От мысли, как много взваливается на её хрупкие плечи, у меня задрожали руки.

— Эльвира, твои руки дрожат.

— Я в порядке. Розмайн должно быть намного тяжелее, — я собиралась встать с дивана, дабы записать всё, о чём собираюсь поговорить с Розмайн и её свитой, но господин Карстед схватил мою руку.

— Эльвира! — воскликнул он и заключил меня в объятья, от чего я в изумленье расширила глаза. — Не держи всё в себе.

Услышав это, облегчение распространилось по моему телу. Я была приятно удивлена тем, что рядом есть кто-то меня поддерживающий. Я не могла противиться тому, чтобы не заплакать — мой взор заволокли слёзы. Нельзя позволять показать свою слабость здесь. Я постаралась поскорее вытереть слёзы с лица и улыбнуться.

— Не волнуйтесь, — произнесла я, собравшись с чувствами. — Вы ведь и так это знаете? Я женщина Хальдензеля и смогу вынести всё сама.

— Не говори так. Я всё ещё чувствую вину за это, — с горечью в голосе произнес господин Карстед, положив голову на моё плечо. Я склонна считать, что наши отношения крайне изменились с момента помолвки. Воспоминания о прошлом заставили меня усмехнуться.

С заключения нашей помолвки и до момента выпуска господина Карстеда из дворянской академии мне доводилось часто слышать от него, что раз я женщина Хальдензеля, то вынесу всё самостоятельно, и его помощь мне не потребуется. Даже после свадьбы временами он произносил похожие резкие слова.

— Тогда я вас недолюбливала, господин Карстед.

— Я не отрицаю, что вёл себя так... В то время ты была для меня как преграда, которую не преодолеть.

Господин Карстед, рождённый в браке господина Бонифация с первой женой из Лейзегангов, считался следующим аубом. Тогда не были уверены, что болезненный господин Адельберт сможет иметь детей.

— До тех пор, пока я не вошёл в замок во время своего крещения, я считал, что буду следующим аубом. Из-за этого по приказу ауба Рихарда была отправлена обучать меня в родовом особняке.

Однако после крещения и переезда господина Карстеда в северное здание замка в герцогской семье произошли изменения: родилась госпожа Георгина, отчего госпожа Вероника возжелала во что бы то ни стало сделать своего ребёнка следующим аубом. Новый ауб, господин Адельберт, сразу отдал приказ сделать Рихарду учителем госпожи Георгины.

— В порядке вещей, что со сменой ауба меняются многие порядки. Однако, пока я жил в замке до всей этой истории с госпожой Вероникой и Аренсбахом, я думал, что госпожа Георгина станет следующим аубом, а я — её супругом.

— Госпожа Вероника дала жизнь двум девочкам подряд. Тогда большинство думало также. Я тоже, — сказала я, припоминая, как госпожа Вероника, чтобы гарантировать госпоже Георгине положение следующего ауба, крайне сурово её обучала. Она говорила дочери, чтобы та не смела проиграть господину Карстеду. Поэтому госпожа Георгина питала к нему необычайную ненависть.

— Но рождение Сильвестра всё изменило.

Госпожа Вероника наладила отношения с Аренсбахом и попросила поддержать её, чтобы сделать господина Сильвестра следующим аубом. По итогу госпожа Вероника решила, что с господином Сильвестром и двумя дочерьми нет необходимости в большем числе кандидатов в аубы, и отторгла господина Карстеда, из-за чего он отказался от своего положения кандидата.

— С тобой, Эльвира, я был помолвлен сразу после этого, верно? Под неустанным взглядом госпожи Вероники я перестал быть кандидатом в аубы и оказался понижен до высшего дворянина, но я всё ещё чувствовал, что есть некая преграда... опять.

— Я понимаю ваши чувства. Наверное, я была выбрана вашей невестой для защиты Лейзегангов от госпожи Вероники, упрочившей свою власть с рождением господина Сильвестра. Поэтому я чувствовала, что должна полагаться на вас как можно меньше, — сказала я, внутри усмехнувшись тому, насколько угрюмой, должно быть, я выглядела в то время. Я старалась не обременять своими чувствами господина Карстеда, прямо заявив об этом, но он воспринял это как знак того, что на него невозможно полагаться, так как он больше не кандидат в аубы.

— Это ведь Хиршура помогла мне преодолеть хандру.

— Я думал, что она действует невежливо, но ошибался.

Хиршура во время нашего обучения в дворянской академии являлась студенткой старших курсов, а ныне она смотритель общежития Эренфеста. Лицезрев низведение господина Карстеда до высшего дворянина по решению ауба и его первой жены, после выпуска из академии она перебралась в Центр как помощник в лаборатории. Я была поражена тем, как ясно она дала понять, что не намерена вступать в брак по расчёту и оставаться в Эренфесте. Как дворянку Центра, её совершенно не заботило чьё-либо мнение, поэтому она прямо всё высказала господину Карстеду.

— К слову, ваше поведение очень смягчилось впоследствии, но что вам сказала Хиршура, господин Карстед? — задала я вопрос о том, что не решалась узнать ранее, поскольку ожидала, что он скажет нечто очень важное. Я повернулась к лицу господина Карстеда, между бровями которого пролегла глубокая морщина.

— Задумавшись теперь, мне кажется это очевидным. Это касалось того, что мы оба не хотели этого брака по расчёту, и нам нужно было быть внимательнее к обстоятельствам друг друга, а также к последствиям наших слов и действий. Она сковала меня своими железными аргументами, бьющими в самое сердце.

Господин Карстед, прежде упёртый, изменил своей привычной манере. Должно быть, её слова были очень резки. Но благодаря им наши отношения изменились с неприязни на нейтральные. Я очень благодарна Хиршуре за это.

— Если вспомнить, то и Розмайн также не стесняется в словах? Ваше поведение, господин Карстед, сильно изменилось с её удочерения, но в ином смысле, чем в случае с Хиршурой, — я обратила внимание, что замечания Розмайн имели ту же силу, что и предостережения Хиршуры. От супружеской жизни, в которой каждый выполнял свой долг, мы перешли к тому, что можем разговаривать и жить, как обычная пара.

— Она ничего такого мне не говорила. Розмайн просто задавала мне вопросы. Я должен был ответить на них чётко, чтобы привить ей дворянское здравомыслие, и, отвечая, я кое-что для себя понял.

Розмайн учили, как вести себя в обществе высших дворян перед крещением, поэтому она

задавала множество вопросов господину Карстеду, с которым была знакома со времён пребывания в храме. Отвечая на типичные детские вопросы, он изменил взгляд на многие вещи.

«Сыновья были в курсе о наших супружеских отношениях, поэтому не решались обращаться к господину Карстеду».

— У меня закружилась голова от твоей просьбы принять в семью священницу-ученицу из простолюдинов как дочь третьей жены, но после удочерения Розмайн всё изменилось к лучшему.

До свержения госпожи Вероники Экхарт выглядел едва живым из-за потери жены и ребёнка. Его господин к тому же ушёл в храм. Лампрехт был на коротком поводке у госпожи Вероники, а Корнелиус, не желая быть похожим на братьев, никого не слушал. Более того, Труделида на пару с госпожой Вероникой планировала сделать Николауса наследником дома. Однако господин Карстед, не слушая меня, заявил, что ведение дома — моя обязанность как его первой жены, отчего он редко отдыхал дома, сбегая на работу.

— Это принесло богатые урожаи и типографское дело в Хальдензель, и теперь я получаю удовольствие от работы и писательства. Я очень благодарна Розмайн. Не могла раньше представить, что могу посвятить себя такому.

Розмайн стала бы первой женой следующего ауба, в то время как Лампрехт и Корнелиус были бы рядом с ней как рыцари сопровождения герцогской семьи.

— Господин Карстед, могу я немного пожаловаться? Я знаю, что это вздор, но мне нужно высказаться.

— Говори, что пожелаешь, — дал он добро, удерживая меня так, словно желая, чтобы я на него оперлась, так что я медленно выдохнула и полностью перенесла вес на господина Карстеда. В этой позе он держал меня в объятьях. Я произнесла слова, которые бы никогда не прозвучали из моих уст в иных обстоятельствах:

— Как дворянка, я должна быть горда. Быть удочерённой королём — это великая честь. Но мне это не нравится.

— Хм.

— Хотя я и должна гордиться тем, что мою дочь примут в королевскую семью, а сын отправится в Центр в качестве рыцаря сопровождения, мне тяжело радоваться за них.

— Честно, мне тоже это не нравится, — согласился со мной господин Карстед.

— Почему Розмайн замешана в приобретении Грутрисхайта? Что с ней станет, если она не получит его?

— Я не знаю. И волнуюсь, — сказал господин Карстед, утирая мои слёзы.

— Не только Розмайн, но и Корнелиус как рыцарь сопровождения отправится в Центр, так ведь? Я буду скучать по нему. Я думала, что он всегда будет рядом.

— Да, но остаются всё ещё Лампрехт и Экхарт.

— Что насчет будущего Лампрехта? Если помолвка будет разорвана, господин Вильфрид может потерять статус следующего ауба.

— Если ничего особенного не произойдёт, Сильвестр защитит его. Ничего не изменится, — заверил меня господин Карстед.

— Ещё я рада, что Розмайн желает помочь господину Фердинанду. Экхарт будет спасён вместе с ним, — я не могла не волноваться за сына, так как если для герцогств это нецелесообразно, то уехавшим будет отказано в возвращении. Я благодарна Розмайн за то, что она выдвинула их безопасность и спасение как условие удочерения королем.

— Не стоит ли сообщить Розмайн о твоих истинных чувствах?

— Что?

— Она, как образцовая дворянка, по моему мнению, может скрывать свои истинные чувства. Но именно поэтому мне тяжело увидеть, что по-настоящему она испытывает. Как ты знаешь, Розмайн родилась в семье простолюдинов и выросла в храме. Я думаю, что тебе следует поговорить с ней о том, что ты чувствуешь и как ценишь её, с позиции матери, — совершенно неожиданно предложил господин Карстед, отчего я даже перестала плакать. Я посмотрела в его голубые глаза, находящиеся совсем рядом. Не похоже, что это шутка — он действительно так думал.

— Что бы сделала мать, дабы побаловать дочь? Розмайн делает всё возможное, когда её просят, не так ли? На неё возложена большая ответственность, и было бы слишком передавать ей груз ещё и моих чувств, — я попыталась встать, но господин Карстед остановил меня и вернул мою спину в исходное положение. Его низкий голос раздался над ухом:

— Иногда приятно побаловать себя. Ко всему прочему облегчение осознавать, что моё присутствие оказалось полезным, а мой выбор оказался верным. Твои слова спасли меня...

Заднюю часть горла как обожгло. Слёзы, которые, казалось, остановились, полились вновь. Я и не осознавала до этого момента, что господин Карстед был спасен благодаря одним лишь моим

словам. Знание этого наполнило мою грудь теплом.

— Думаешь, мои истинные чувства спасут и её?

— Так и будет.

Переезд Розмайн уже не отменить. Сейчас не до конца остаётся ясно, какое будет обращение к Розмайн, которая, как надеялись, принесёт в Юргеншмидт Грутрисхайт. Действительно ли она заполучит Грутрисхайт и выйдет замуж за первого принца Сигизвальда. Или, в противном случае, как приёмная дочь короля она будет связана с одним из герцогств...

«Неважно, в каком в итоге положении она окажется».

Я молюсь, чтобы мои истинные чувства помогли Розмайн. Надеюсь, что у Розмайн когда-нибудь появится кто-то, с кем она тоже сможет разделить свои истинные чувства. Надеюсь, она найдёт место, где сможет любить и воспитывать собственного ребёнка.

— Это обязанность меня как матери и родителя научить её созданию потайной комнаты, где она сможет честно поговорить с собственным ребёнком. Я сделаю такую потайную комнату для Розмайн.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/3482412>